

Виталий Евгеньевич Болдырев¹
boldyrev89@list.ru

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ОБОЗНАЧЕНИЕ МЕТАРЕГИОНА ИЛИ СОЗДАНИЕ КОНЪЮНКТУРНОГО НАРРАТИВА?

Статья посвящена анализу перспектив формирования Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). В соответствии с устоявшейся исследовательской традицией ключевой акцент был сделан на изучении национальных стратегий как совокупности взглядов, реакций, действий, определяющих долгосрочную политику ведущих государств региона. Их стратегии разделены на три группы. Сугубо региональные были разработаны Индией, Японией и Австралией, индо-тихоокеанские стратегии Франции и Индонезии послужили основой стратегий ЕС и АСЕАН, а британская и американская — стали составными частями глобальных стратегий. Анализ зафиксированных видений ИТР позволил выявить, что правительства руководствуются разными принципами, между ними нет единства в определении состава региона и ролей входящих в него государств, его географических границ, классификации стран на партнёров и оппонентов, иерархии участников. Это спровоцировало возникновение в ИТР ряда конъюнктурных разделительных линий, которые усиливаются фундаментальными культурными основаниями. Делается вывод о том, что Индо-Пацифика является метарегионом, т.е. таким конструктом, который представляет собой интерпретацию обширного географического пространства в контексте внутренней и внешней политики конкретных государств, используемой их правительствами для реализации данной интерпретации на практике. Вследствие этого формирование единого ИТР в настоящий момент невозможно.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, Индия, США, Индонезия, Япония, Евросоюз, нарратив, стратегия, метарегион.

Vitaliy E. Boldyrev¹
boldyrev89@list.ru

INDO-PACIFIC REGION: DESIGNATION OF A METAREGION OR CREATION OF A CONJUNCTURAL NARRATIVE?

The paper is devoted to prospects for the Indo-Pacific forming. According to research tradition key accent in investigation had been made on analysis

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

of national strategies as combinations of visions, reactions and acts which determine long-term behaviour of key states. Their strategies had been divided into three groups. The ones developed by Japan, India and Australia are exclusively regional. French and Indonesian Indo-Pacific strategies served as fundament of ASEAN's EU's ones. US and British strategies had been developed as parts of their global strategies. Examination of strategical visions let to isolate that the governments follow different principles, unity in defining of regional composition states' roles, identification of partners and opponents as well as the regional core and periphery are absent. It provoked origin of several conjuncture dividing lines strengthened by cultural foundations. It let to characterize the Indo-Pacific as metaregion as interpretation appeared in conscience of a vast geographical space which is a consequence of the region perception in context of domestic and foreign policy by means of the ones government tries to realize its interpretation in practice. This posture impedes the forming of unified Indo-Pacific region.

Keywords: The Indo-Pacific, India, USA, Indonesia, Japan, European Union, narrative, strategy, metaregion.

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение термина «Индо-Пацифика» исследователи относят к серии встреч М. Сингха и С. Абэ в 2006—2008 гг. Под ним понимается слияние двух океанских регионов через построение обширного азиатского пространства, чьё единство основано на сетевом взаимодействии тихоокеанских государств [9]. Краткий анализ конфигурации и связанной с ней проблематики Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), который провёл Р. Бора, указывает на постоянную изменчивость его актуальной повестки. Во-первых, в качестве многосторонних институтов и взаимодействий, на которые могли бы опираться страны региона, исследователем называются БРИКС, «четвёрка», Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), чьим лидером были США (с 2018 г. — Всеобъемлющее прогрессивное Транстихоокеанское партнёрство (ВП ТТП), возглавляемое Японией после выхода США из ТТП), диалог Шангри-Ла, учения «Малабар», японо-индийские морские учения (ЯИМУ). Во-вторых, в качестве важнейшей проблемы региона учёным называется экспансия Китая, способная принимать разные формы: от территориального конфликта до зарубежных инвестиционных программ в объекты транспортной инфраструктуры. Первая форма предполагает прямое столкновение, вторая — вовлечение малых государств в орбиту своего экономического влияния с целью ослабления позиций конкурентов. В-третьих, Р. Бора указывает и на зависимость конфигурации региона от «случайностей». Так, приход к власти в США Д. Трампа, с одной стороны, повлёк выход американской стороны из Соглашения о ТТП, а с другой — 45-й президент Соединённых Штатов способствовал укреплению

отношений в треугольнике США — Индия — Израиль, что послужило началом формирования архитектуры западной Индо-Пацифики, которая прежде оказывалась за пределами соответствующих дискуссий [9]. Следствием этих перемен стало возникновение западно-индоокеанской «четвёрки», в которую вошли Индия, США, Израиль, ОАЭ и в основу чьей повестки легла безопасность морских путей [19]. В-четвёртых, исследователем перечисляются потенциальные проблемные поля, способные помешать более тесному сотрудничеству четырёх стран, — торговые, экономические и военные, связанные с размещением американских войск.

Кроме того, ряд специалистов полагает, что в формировании ИТР как единицы политического планирования и регионального строительства большую роль играет нарратив. В. Чандра указывает, что введение этого термина стало ответной реакцией США на усиление Китая, предполагающей поиск нового партнёра в сдерживании Пекина, поскольку в Вашингтоне сочли недостаточными возможности Токио и Канберры. Индия, имеющая ряд разногласий с КНР, оказалась более подходящим на роль антикитайского баланса партнёром США [12]. Ш. Дас называет сознательной её постановку в центр индо-тихоокеанского нарратива Соединёнными Штатами. Создаваемая ими повестка оценивается как логическое продолжение тихоокеанской политики, она направлена на формирование сети американских партнёрств и обеспечение доминирующего положения Вашингтона в регионе [14]. Исследовательская группа Ш. Кумара указала на такое свойство: за аббревиатурой ИТР страны прячут множество стратегий, так или иначе адресованных региону, а декларируемые индо-тихоокеанские стратегии по существу являются полистратегиями [25]. Наконец, Г. Наиду в ходе анализа географических трактовок ИТР было выявлено несовпадение границ, что позволило охарактеризовать Индо-Пацифику как композиционную, искусственную конструкцию [27].

В целом приведённый выше обзор даёт возможность предположить, что региональная архитектура обладает аморфностью, текучестью, противоречивостью; она связана с многогранностью общих проблем. Присутствует зависимость международного взаимодействия от политической воли, от взглядов правительств и политиков на перспективы развития межгосударственных отношений. Все эти особенности свидетельствуют, что на существование Индо-Пацифики как региона значительное влияние оказывают официальные интерпретации.

Соответственно, цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выяснить, что скрывают политики под «вывеской» ИТР: попытку построить обширный регион или конъюнктурный нарратив, в который «упакованы» их политические цели и задачи, способные измениться под влиянием непредвиденных обстоятельств?

Для достижения поставленной цели были проанализированы индо-тихоокеанские стратегии как совокупность взглядов, реакций, действий,

определяющих долгосрочную политику государств в регионе, — Индии, Японии, Австралии, США, Великобритании, ведомого Францией ЕС и АСЕАН, где в контексте Индо-Пацифики ведущую роль стремится играть Индонезия. В ходе этого анализа были выявлены современные, исторические и культурно-цивилизационные истоки их формирования, что позволило идентифицировать подходы к реализации стратегии и созданию региона.

При исследовании перечисленных процессов применялась интерпретативная парадигма кибернетики, которая включает в себя политическую и культурную перспективы анализа; обе предполагают изучение следующих аспектов: участие людей в организационных процессах сообразно конкретному моменту, восприятие текущей действительности, политические цели и задачи, способность политиков создать фундамент для своего курса [23, р. 596—597].

СТРУКТУРА ИТР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Все анализируемые здесь индо-тихоокеанские стратегии можно разделить на три группы. В первую входят индийская, австралийская и японская, представляющие самостоятельные региональные стратегии или выступающие ядром национальной стратегии, ко второй относятся французская и индонезийская, которые выступили фундаментами стратегий ЕС и АСЕАН, в третью входят стратегии Великобритании и США², являющиеся составными элементами глобальных стратегий.

Индо-тихоокеанская стратегия Индии — это сердцевина стратегии национальной безопасности, принятой в 2019 г. [20]. В ней отразился общий подход Нью-Дели к внешней политике, основанный на сложном балансе отношений между разными государствами и приоритетными сферами сотрудничества.

Все страны в ней разделены на четыре группы: исконная сфера влияния; государства-партнёры; государства, вынужденно ставшие партнёрами; оппоненты и их сторонники. В отношении каждой из этих групп предложен специфический вариант стратегии с адаптацией ключевой стратегической линии, предполагающий кооперацию в кибернетической и интеллектуальной сферах с целью преодоления барьеров в других областях, осуществление торговли и инвестиций на основе международно признанных правил.

² Несмотря на то, что в 2022 г. Соединённые Штаты издали самостоятельную индо-тихоокеанскую стратегию [21], её положения коррелируются с соответствующими разделами Промежуточного обзора национальной безопасности (март 2021 г.) [22].

К исконной сфере влияния отнесена Южная Азия как исторически и культурно связанная с Индией. В отношении неё стратегия предполагает политику, основанную на мягкой силе и учитывающую культурную близость и родство стран этого региона.

К партнёрам отнесён значительный ряд государств и объединений.

В отношениях с Россией, которую индийское правительство рассматривает в качестве стратегического партнёра, важны следующие сферы сотрудничества: экономика, ВПК, энергетика, СМИ, культура, технологии, наука. С точки зрения Нью-Дели, они обладают наибольшим потенциалом и выступают прочным фундаментом для более глубокой интеграции двух стран.

Основой для широких отношений с Соединёнными Штатами в Индии рассматривают общие для обоих государств демократические принципы, а ключевыми сферами сотрудничества называются экономика, торговля, инвестиции и связи между людьми, поскольку в США проживает крупная и влиятельная индийская диаспора. Двусторонний формат дополняется взаимодействием с Вашингтоном, Канберрой и Токио в рамках «четвёрки», которое в Нью-Дели видят основанным на принципе синергии вопросов инвестиций, технологий и безопасности. Этот же принцип Индия намерена применять при развитии сотрудничества с ещё одним американским союзником — Южной Кореей.

Отношения с Соединённым Королевством и континентальной Европой видятся Нью-Дели более узко и фрагментарно и будут касаться экономических и политических вопросов, где интересы совпадают. Перспективы взаимодействия с Юго-Восточной Азией мыслятся ещё уже и ограничиваются экономической сферой.

Ключевым оппонентом в Нью-Дели видят Китай и его партнёров, имеющих выход к Индийскому океану и обладающих континентальными путями «суша — море». Наибольший потенциал угроз для Нью-Дели в контексте такого противостояния обретает Исламабад. Ключевыми проблемами отношений с КНР называются пограничный конфликт; торговые барьеры, которые мешают индийским производителям выйти на китайский рынок с конкурентоспособной продукцией; стратегия коридоров, окружающих Индию, вместе с иной инфраструктурой, создаваемой в рамках китайских континентальных и морских проектов; рост активности военно-морского флота КНР в Индийском океане.

В данном контексте не меньшие опасения правительства вызывает стремление Пекина наладить транспортно-логистическое и торговое сотрудничество с Бангладеш, Бутаном [9] и Шри-Ланкой [2], которые Нью-Дели относит к сфере своего исключительного влияния. Кроме того, торговые отношения Шри-Ланки с Индией являются важным элементом экономического взаимодействия стран Южной Азии, а налаживание индо-бутано-бангладешского транспортного коридора имеет для

Индии не только экономическое, но и стратегическое значение, так как он связывает основную часть страны с менее развитыми, периферийными, континентальными территориями на северо-востоке.

В условиях, когда Китай создаёт угрозу континентальному и морскому окружению Индии, последняя вынуждена сотрудничать с Ираном, который обозначается вынужденным партнёром. Он, с одной стороны, воспринимается в Вашингтоне как непримиримый оппонент, а с другой — является для Нью-Дели важным поставщиком нефти, без которой невозможно удовлетворить внутренний спрос. Кроме того, позитивные отношения с Тегераном позволяют Индии получить доступ к иранским портам, а вместе с ними и к евразийским транспортным путям, чтобы пробить брешь в китайском окружении.

В целом индо-тихоокеанская стратегия Нью-Дели предстаёт сложным, многоаспектным ответом на внешнюю и внутриэкономическую политику Пекина. По крайней мере, выделяются два аспекта этой стратегии. Во-первых, она предполагает построение внешних дуг для контрокружения Китая. Морская дуга должна пройти от Владивостока, Сизтла и Токио до Ирана. Одновременно Юг Дальнего Востока и Иран мыслятся местами, где она сомкнётся с континентальной, идущей через Среднюю Азию, в которой Индия намерена конкурировать с КНР. Во-вторых, ответ Нью-Дели Пекину предполагает построение комплексных интеграционных отношений с США, Австралией и Японией как морскими партнёрами и Россией как континентальным.

Современная индо-тихоокеанская политика Австралии фактически стала ответом на попытку более свободных отношений штата Виктория с внешним миром. В целом практика соглашений между правительствами штатов и территорий Австралии, с одной стороны, и центральными правительствами иных государств, с другой, считалась нормальной до 2018 г., и субъекты федерации пользовались этим автономным правом, заключая соглашения по относительно узким вопросам, главным образом связанным с программами обмена, образованием, подготовкой специалистов [18]. Однако в 2018 г. штат Виктория предпринял попытку развить более тесные и системные отношения с КНР в обход Канберры. Рамочное соглашение, заключённое между ними, свидетельствовало, что наиболее важными сферами сотрудничества в рамках китайской инициативы «Пояса и пути» обе стороны рассматривали развитие инфраструктуры, включая создание сетей связи и передачи данных, биотехнологию и строительство предприятий по производству продукции высокой степени готовности [36]. Для усиления взаимодействия между Мельбурном и Пекином, кроме намерений правительства штата, были и объективные основания: в течение 2013—2017 гг. экспорт из Виктории в КНР почти удвоился, а доля китайских инвестиций в экономику региона в сравнении с другими штатами и территориями Австралии утроилась [13].

Столь тесное и интенсивное взаимодействие между Викторией и центральным правительством КНР происходило в контексте того, что австралийское федеральное правительство продолжало сотрудничество по линии разведок в рамках альянса «Пять глаз», а также сохранило свою приверженность принципам ТТП, которое с момента вступления в переговоры США мыслилось в том числе и интеграционным проектом, альтернативным китайским региональным инициативам [10, р. 266—269]. Иными словами, Мельбурн оказался в оппозиции федеральному правительству в вопросах отношений с КНР, в частности, взаимодействие по сбору и обработке данных делало возможным их использование китайской разведкой, что противоречило практике обмена информацией между членами альянса «Пяти глаз», а разрешение проектов под эгидой концепции «Пояса и пути» противоречило участию Австралии в ТТП как в альтернативном объединении.

В этих условиях премьер-министр Австралии С. Моррисон был вынужден принять закон, позволяющий федеральному правительству отменять соглашения штатов и территорий с иностранными правительствами, и применить его в отношении рамочного соглашения Виктории и КНР [36]. Этим шагом он устранил чрезмерную внешнеполитическую автономию субъектов федерации, консолидировав позицию всех штатов и территорий Австралии, предотвратил в перспективе попытки искажения межгосударственных отношений и поиска зарубежными правительствами реализации альтернативных отношений с субъектами федерации.

Следующим шагом австралийского правительства стало участие в максимальном числе объединений, присутствующих в ИТР, в числе которых АНЗЮС, «Пять глаз», «четвёрка» и АУКУС [32]. Последние два имеют особое значение. Так, АУКУС позволяет модернизировать военную промышленность Австралии, наладить производственные связи с Великобританией и Соединёнными Штатами [32]. А участие в «четвёрке», в рамках которой Индия продвигает повестку, способствующую интеграции участников формата на уровне технологий и инвестиций [20], становится альтернативой попыткам Виктории наладить подобное взаимодействие с КНР. В то же время Австралия не отказывается от участия во Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП), где наряду с Китаем ведущую роль будут играть страны АСЕАН, которые в Канберре рассматриваются в качестве значимых партнёров в вопросах сдерживания Пекина. Другим вектором активизации регионального сотрудничества выступают тихоокеанские острова, их Австралия воспринимает традиционной сферой своего влияния, куда всё активнее проникает КНР с инфраструктурными [31] и военными [35] проектами.

Таким образом, индо-тихоокеанская стратегия Австралии имеет два вектора: внутренний и внешний. Внутренний предполагает консолидацию штатов и территорий в вопросах сношений с зарубежными правительства-

ми, в первую очередь с китайским. Внешний направлен на формирование контрбалансов в отношении КНР. Первым из них выступают связи с традиционными для Австралии партнёрами из числа англо-саксонских государств и членов Содружества, которые в рамках многосторонних форматов способствуют укреплению безопасности. Второй контрбаланс будет реализовываться в рамках многосторонней инициативы (ВРЭП) со странами АСЕАН, традиционно стремящимися занимать нейтральную позицию в вопросах противостояния великих держав. Третий контрбаланс может быть осуществлён через развитие отношений с государствами Океании.

Формирование индо-тихоокеанской стратегии Токио стало реакцией на выход Вашингтона из ТТП, вследствие чего экономика Японии оказалась наиболее сильной в этом объединении, куда входят страны с разных берегов Тихого океана. При этом нельзя забывать, что Япония является островным государством, зависящим от стабильного функционирования океанских транспортных путей, посредством которых обеспечивается бесперебойное функционирование её экономики. Наконец, на фоне вовлечённости в западные многосторонние региональные форматы, в том числе в сфере обороны и безопасности, Токио поощряет разрыв национальными компаниями отношений с китайскими партнёрами в пользу индийских и австралийских [31].

Соответственно, эти объективные условия сформировали столпы индо-тихоокеанского курса Японии: приверженность господству права, обеспечивающего свободу навигации и торговли; достижение экономического процветания и большей связанности региональных стран; приверженность миру и стабильности. При этом географически ИТР в японской стратегии простирается от Восточной Азии и Австралии и Океании до Ближнего Востока и Восточной Африки [16]. С учётом того, что в настоящее время Великобритания подала заявку на вступление в ТТП, а ряд стран Европы (Германия [30], Нидерланды [1]) являются важными экономическими партнёрами Японии, границы ИТР существенно расширяются за счёт внерегиональных игроков.

На практике стратегия реализуется на следующих направлениях: тихоокеанское, австралийское, океанийское, индийское, африканское, европейское.

Тихоокеанское нацелено на поддержание лидерства Токио в регионе: оно выражается в том, что Япония возглавила ВП ТТП, целями которого являются либерализация торговли и разработка совместимых стандартов для экономической, финансовой, производственной, торговой сфер взаимодействия [16], а также в участии страны во ВРЭП, где потенциально она способна играть роль некоего противовеса КНР.

Австралия важна для Японии не только как партнёр в рамках «четвёрки», но и в качестве поставщика водородного топлива. Так, в рамках австрало-японо-нидерландского сотрудничества в Австралии на основе

нидерландских технологий реализуется проект по производству водорода, который поставляется в Японию. Тем самым государства сотрудничают в области «зелёной» и энергетической повестки региона [1; 5].

Курс в отношении стран Океании представляется кредитной альтернативой аналогичным китайским инициативам и при этом связывается Токио, главным образом, с экологическими вопросами [31].

Индийский вектор, даже без учёта взаимодействия в оборонных форматах, более сложен: с одной стороны, он связан с поддержкой инициатив Нью-Дели по созданию транспортного коридора с Бангладеш, Бутаном, Непалом и странами АСЕАН, который рассматривается Индией как элемент сдерживания китайского влияния; с другой стороны, Токио заинтересован в сотрудничестве с Нью-Дели в технологической сфере, в том числе с передачей технологий и максимально возможной локализацией производств [9].

Африканский вектор связан как с транспортно-кредитными инициативами [36], так и с участием Японии в Токийской международной конференции по развитию Африки (ТИКАД). Она укрепляет социально-экономическое взаимодействие с восточно-африканскими странами посредством проектов по обеспечению национальной экономики минеральным сырьём, содействует снижению социальной напряжённости в государствах региона, предоставляет альтернативу китайской концепции «Пояса и пути».

Европейский вектор зависит от степени значимости той или иной страны Старого Света для японской стратегии: Нидерланды важны как поставщик технологий и оборудования для водородного проекта, Германия — как один из ведущих торгово-экономических партнёров [30], Великобритания — как государство, подавшее заявку на вступление в ТТП, Франция — как лидер ЕС.

Фактически индо-тихоокеанская политика Японии представляет параллельное, не всегда взаимосвязанное движение по нескольким векторам: укрепление отношений с партнёрами в рамках торгово-экономических объединений и форматов по обеспечению безопасности, налаживание с ними хозяйственных связей при параллельном ослаблении последних с КНР, конкуренция с Пекином в вопросах инвестиций в наиболее слабые и уязвимые регионы ИТР.

В целом индо-тихоокеанские стратегии первой группы нацелены на обеспечение региональных условий, максимально благоприятных для развития государств, для поддержания их регионального лидерства, для формирования взаимодействий со странами ИТР в интересах региона.

Стратегии второй группы вышли за пределы национальных стратегий, став основой для таковых у международных объединений.

Лидером ЕС в вопросе о разработке индо-тихоокеанской стратегии стала Франция, которая опирается не только на колониальное наследие прошлого, но и на заморские департаменты, вследствие чего в числе

ключевых партнёров в стратегии обозначены страны Юго-Восточной Азии и Океании. В то же время чётко прослеживается влияние самого ЕС, поскольку в программе предусмотрено многоаспектное сотрудничество с государствами Восточной Африки (торговое, социальное, гуманитарное, инвестиционное, продовольственное) [17], которые в стратегии также отнесены к числу ведущих региональных партнёров наряду с Великобританией, США, Индией, Японией и Республикой Корея. С перечисленными выше странами Париж и Брюссель намерены сотрудничать по экономическим, политическим, экологическим, технологическим, правовым и дипломатическим вопросам. К государствам ядра отнесён и Китай с той оговоркой, что с ним ЕС не взаимодействует в области кибертехнологий, где отдаёт предпочтение Тайваню.

Кроме того, в каждом из полей сотрудничества или в контексте связанных региональных проектов выделяются второстепенные партнёры. В торгово-экономической и кибернетической сферах — Шри-Ланка и Тайвань, в развитии «зелёных» технологий — ЮАР, а также Туркмения, Афганистан и Пакистан в контексте идеи газопровода «Средняя Азия — Индийский океан», в сфере транспорта — Канада, Шри-Ланка, Мальдивы, Пакистан, Бангладеш, Египет, Судан, Джибути, Мозамбик, ЮАР, в сфере безопасности — Пакистан, Джибути, Мозамбик. Проблемы океанического управления локализуются в южной части океанов, примыкающих к Антарктике, и для их решения Франция намерена привлекать широкое количество участников освоения Антарктиды и прилегающих к ней вод: европейские, азиатские, африканские и латиноамериканские страны [24].

Таким образом, стратегия Франции и ЕС предполагает отказ от каких-либо разделительных линий и приоритетных сфер влияния, создание гибкой сети партнёрств со значимыми странами региона и внерегиональными игроками, инклюзивное взаимодействие с партнёрами.

Среди государств Юго-Восточной Азии наибольшие усилия по формированию индо-тихоокеанского видения приложила Индонезия после избрания Й. Видодо президентом. Поначалу они носили скорее реактивный, чем активный характер и были связаны с рядом особенностей международного положения страны. Во-первых, Индонезия является государством-архипелагом, что делает её целостность уязвимой в контексте акваториальных споров в Южно-Китайском море. Здесь особую настороженность правительства вызывал тот факт, что морская граница страны была определена приблизительно на половину (территориальных вод — на 44,12% от протяжённости, исключительной экономической зоны (ИЭЗ) — на 54,65%) [11]. Во-вторых, рост противостояния КНР и США, главного торгового и военного партнёра соответственно, делал необходимым разработать новую стратегию, которая, впрочем, вписалась в традиции политической культуры АСЕАН, связанной с балансированием. В-третьих, на страны региона усилилось внешнее воздействие бывших метрополий,

Франции и Великобритании, которые взяли курс на внесение раскола в ряды АСЕАН. В-четвёртых, возросла роль государств не только Тихого, но и Индийского океана в мире, а Индонезия выступает своего рода связующим звеном между двумя океаническими пространствами благодаря географическому положению.

Совокупность этих факторов привела к разработке Й. Видодо стратегии «Глобальной морской точки опоры» (“Global Maritime Fulcrum”) (ГМТО). Её основными пунктами стали модернизация морской инфраструктуры, обновление флота, делимитация границ внутренних вод и ИЭЗ, борьба с браконьерством и нарушением морских границ, создание морской промышленности, совершенствование морской обороны, развитие морского транспорта и рыболовства, управление морскими ресурсами и окружающей средой [6; 11; 34].

Морская стратегия Й. Видодо критикуется за несоответствие амбициозной цели и ограниченного бюджета, за скорее популистский, чем практический характер, за то, что строящиеся порты часто не связаны наземными путями с глубинными районами, за то, что президента поддерживают сильные континентальные хозяйственные группы, в то время как он благоприятствует интересам более слабых морских, за то, что не все внешнеполитические приоритеты конкретизированы. Но в целом экспертное сообщество признаёт, что ГМТО позволила перейти от реактивного поведения к активному и сформировать альтернативу как китайской инициативе «Пояса и пути», так и американской концепции свободного и открытого ИТР [6; 34].

Это превратило Индонезию в ведущее морское государство АСЕАН, а ряд положений её стратегии стали основой «Видения Индо-Пацифики АСЕАН»: упоминание стран ассоциации как центра формирующегося ИТР, отказ от противостояния с кем-либо и ориентация на сотрудничество, решение морских споров на основе международного права, обеспечение свободы навигации, связанности воздушного и морского транспортного пространства, противодействие преступлениям на море, усиление межчеловеческих контактов, вложение средств в морскую инфраструктуру, «голубую» экономику, управление климатическими и природными рисками [7].

В целом в индонезийской стратегии выделяются следующие группы стран. В первую, наиболее важную, включены государства АСЕАН. Во вторую — соседи, не входящие в ассоциацию: Индия, Восточный Тимор, Папуа — Новая Гвинея. Третью составили ведущие глобальные игроки, которые реализуют в регионе собственные инициативы и подрывают единство АСЕАН. Это Китай, США, Франция, Великобритания, а после создания АУКУС к данной группе справедливо можно будет отнести и Австралию, которая поддержала британскую инициативу о вовлечении Малайзии в орбиту влияния стран этого нового военно-политического объедине-

ния. Наконец, в стратегии содержится упоминание об океанских пространствах, которые являются мостом между государствами Индо-Пацифики.

В общем, национальные стратегии, которые впоследствии стали основой для стратегий региональных объединений, имеют следующие особенности. В них присутствует или по крайней мере декларируется отказ от стремления закрепить сферу влияния, а все партнёры и оппоненты разведены по категориям. В текстах зафиксировано географически относительно компактное ядро и располагающаяся в разных частях света периферия, в том числе не имеющая географического отношения к ИТР. Кроме того, в них в качестве географического пространства Индо-Пацифики чётко обозначаются океанские акватории в связи с некоторыми аспектами морской экономики.

В свою очередь стратегии Соединённого Королевства и Соединённых Штатов являются составными частями более крупных концепций и представляют третью группу.

В случае с Великобританией это неотъемлемая часть разработанной после выхода Лондона из ЕС внешнеполитической концепции «Глобальная Британия», в основе которой лежит сложная совокупность двусторонних и многосторонних отношений, построенных по сетевому принципу.

В целом страны мира разделены в ней на две категории: партнёры и проблемные государства. В качестве первых обозначены ЕС, США, азиатско-тихоокеанские демократии (АТД), члены Содружества. В ИТР США и АТД рассматриваются Лондоном в качестве приоритетных партнёров в вопросах прав человека, безопасности, климата, здоровья, повышения прозрачности экономики, киберпространства, в то время как страны Содружества и прочие акторы могут предоставлять дополнительные возможности для решения проблем в перечисленных областях.

К проблемным же отнесён Китай как государство, отношения с которым характеризуются, с одной стороны, позитивными результатами, прежде всего экономическими, с другой — трениями, проистекающими из позиции Пекина по вопросу прав человека. В эту группу включена также «трудная четвёрка» в составе Индии, России, Турции и Саудовской Аравии, подрывающая выгодный Великобритании международный порядок. В частности, Индия³, Турция и Саудовская Аравия считаются партнёрами только в сфере безопасности, Россия не воспринимается как противник лишь в контексте международных проблем здравоохранения [29].

Значимую роль в определении партнёров в ИТР сыграло и Адмиралтейство Великобритании, которое рассматривает Индийский океан в качестве главной морской транзитной зоны для торговых и военных судов.

³ Несмотря на то что Индия входит в состав Содружества и имеет кооперационные связи с Великобританией, в Лондоне её склонны оценивать как конкурента в сфере здравоохранения и фармакологии и как противника в вопросах демократии, свобод и прав человека.

В этой связи ключевыми партнёрами Соединённого Королевства обозначены Индия, поскольку между военными флотами обеих стран налажено интенсивное взаимодействие, и ОАЭ, так как в Дубае находится Британское морское торговое агентство, которое курирует вопросы прохода гражданских судов в зонах наибольших угроз — главным образом пиратства [26].

Создание АУКУС позволяет уточнить подходы Лондона к Индо-Пацифике. В целом развитие военно-морского и военно-производственного партнёрства с Вашингтоном и Канберрой подтверждают векторы взаимодействия с США и АТД, обозначенные в стратегии «Глобальная Британия». Также Соединённое Королевство нацелено на реставрацию сфер влияния в большинстве частей своей бывшей колониальной империи. Это, во-первых, ведёт к восстановлению на практике преференциальных зон влияния, старых компромиссов и региональных консенсусов, уходящих корнями в колониальную эру. В частности, попытки Франции и ЕС тесно взаимодействовать, в том числе на политическом уровне, с тихоокеанскими островами, являющимися сферой влияния британского доминиона Австралии, и со странами Восточно-Африканского сообщества, по англо-французской декларации 21 марта 1899 г. признающимися сферой исключительного британского политического влияния [15], можно, рассматривая вопрос с точки зрения Лондона, трактовать как нарушение региональных консенсусов, в ответ на которое последовал разрыв Австралией контракта на строительство дизельных субмарин с Францией в пользу соглашения с Великобританией и США о строительстве атомных подводных лодок.

Во-вторых, данная политика нацелена на инспирирование разделительных линий в региональные объединения. В частности, об этом свидетельствует статья верховных комиссаров Соединённого Королевства и Австралии, а также посла США в Малайзии, содержащая утверждение, что соглашение АУКУС направлено на укрепление морской безопасности в регионе, оно не противоречит ни партнёрским отношениям трёх стран с членами АСЕАН, ни признанной Лондоном, Вашингтоном и Канберрой центральной роли организации в региональной архитектуре и совместной с её членами работе по обеспечению мира и стабильности. Тем не менее, при этом и Соединённое Королевство, и США, и Австралия рассматривают именно Малайзию (бывшую британскую колонию) в качестве важнейшего члена АСЕАН для поддержки международного порядка, основанного на правилах [8]. В целом это указывает на трёхстороннее стремление установить разделительные линии в ассоциации, которые соответствовали бы границам бывших британских колоний, на намерение превратить Малайзию в проводника британских интересов в АСЕАН.

В-третьих, приведённая выше статья указывает на стремление Великобритании, защищая собственную сферу влияния, восходящую к колониальной эпохе, не признавать влияния других стран. Так, перспектива

распространения Великобританией её влияния на всех участников АСЕАН может означать отказ считать Вьетнам, Лаос и Камбоджу преференциальной зоной французских интересов.

В целом для реализуемой Соединённым Королевством индо-тихоокеанской стратегии характерны отсутствие сухопутного измерения, стремление сохранить и расширить свою сферу влияния и нарушить сферы влияния оппонентов, намерение взять под контроль основные для коммуникаций оппонентов части Мирового океана: Южно-Китайское море, жизненно важное для морских путей КНР, Океанию, воды, окружающие Юго-Восточную Азию и Индийский океан, через которые пролегают морские коммуникации Франции, связывающие её с заморскими территориями и индокитайскими партнёрами, бывшими колониями.

Несмотря на то, что Соединённые Штаты уточнили свою индо-тихоокеанскую стратегию [21], её ключевые положения восходят к промежуточному стратегическому обзору национальной безопасности (март 2021 г.) [22]. В документ, как и прежде, включены все страны Восточной Азии, Океании и Австралия. При этом за пределами ИТР оказались все государства индоокеанского побережья к западу от Индии, но в качестве внерегиональных игроков перечислены члены ЕС и НАТО [21].

Источниками угроз в регионе, как и в марте 2021 г., названы Китай и КНДР. К ключевым партнёрам США в ИТР отнесены Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины и Таиланд, с которыми у Вашингтона заключены военно-политические союзы. В эту же группу включена и Индия как участник «четвёрки». Другие страны региона (Монголия, Тайвань, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, государства Океании) обозначены словом «партнёры». ЕС и НАТО отводится роль внерегиональной периферии, проводников американских политических и экономических интересов с целью превращения Северной Америки, Западной Европы и Индо-Пацифики в единое политическое пространство, основанное на общем понимании принципов международного права и прав человека, поддержании выгодного Вашингтону международного порядка. Это пространство должно обеспечить распространение американских товаров, связанных с кибертехнологиями, «зелёной» повесткой, здравоохранением.

В то же время в стратегии США наравне с функциональным присутствием и устоявшееся географическое деление на субрегионы: это указывает на то, что в Вашингтоне намерены адаптировать обобщённую стратегию к особенностям каждого из направлений регионального курса.

Таким образом, индоокеанские стратегии, являющиеся частью глобальных стратегий, обладают следующими характеристиками: стремлением распространить влияние на ИТР, опираясь на «точки входа» в виде партнёров или союзников, отказом считаться со сферами влияния и интересами других стран в регионе и желанием подчинить их интересы собственным.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТАРЕГИОНА

В целом зафиксированные или продемонстрированные на практике интерпретации Индо-Пацифики свидетельствуют, что наиболее заинтересованные государства в пределах географического пространства не всегда самостоятельно, но и не всегда вместе с какими-либо партнёрами стремятся создать сложно организованную систему взаимо- и противодействий, которая накладывает отпечаток на географическую структуру, внешние границы региона, определяемые субъективно. Эта система ставится государствами, разработавшими стратегии, в зависимости от ролей, которые они приписывают другим странам ИТР.

Итак, интерпретации Индо-Пацифики в национальных и региональных стратегиях свидетельствуют, что ИТР не воспринимается сугубо географически. В этой связи логичнее говорить о существовании индо-тихоокеанского *метарегиона*. Под данным термином здесь понимается возникающая в сознании правительства той или иной страны интерпретация обширного географического пространства вследствие его восприятия в контексте проводимой и перспективной внутренней и внешней политики. Эта интерпретация имеет в своём основании объективно существующие географические элементы и таксономические единицы (здесь — Тихий и Индийский океаны), которые в сознании превращаются в ядро, впоследствии обрастающее трактовками как географического, так и функционального характера, что делает конкретный *метарегион* (здесь — ИТР) единицей политического лексикона ряда государств, чьи правительства самостоятельно и независимо друг от друга определяют его состав и классификацию вводимых ими в данное определение элементов (государств, территорий, акваторий, функциональных сфер) в соответствии с восприятием действительности и видением перспектив, в контексте политических, экономических и иных интересов, которые отражаются в принимаемых региональных стратегиях или в соответствующих разделах национальных стратегий. После фиксации интерпретаций метарегиона правительства стремятся реализовать их на практике, переводя возникшую в сознании политиков, высших государственных деятелей и их советников трактовку в реальность посредством политических, дипломатических, торгово-экономических и иных шагов.

МЕТАРЕГИОН ИНДО-ПАЦИФИКИ

Попытка построить на основе приведённых выше национальных стратегий интегрированную картину интерпретации ИТР позволила выявить:

- сложность ролевой структуры государств, предложенной в стратегиях;
- множественность представлений о партнёрах и оппонентах;
- разнообразии подходов в построении иерархии акторов;
- расхождения в интерпретации периферии и полупериферии региона при значительном совпадении в определении его центра.

Индо-тихоокеанские стратегии характеризуются и присутствием двух векторов: морского и континентального. Только морской отличает стратегии США, Великобритании, Индонезии, Австралии. В индийской, японской и французской он дополнен континентальным.

Кроме того, сложность формирующемуся пространству придают принципы, которыми руководствовались правительства при разработке стратегий. Можно выделить три принципа: позиционно-ролевой, векторный и сферный. При позиционно-ролевом для некоторого государства или субрегиона в стратегии фиксируется определённая роль. В соответствии с векторным характеристика странам и субрегионам не даётся, но определяется общий смысл политики в их отношении. Если в стратегии обозначен сферный принцип, то он направлен на создание, поддержание, расширение сфер влияния. Принципы, на основе которых построены стратегии, отражены в табл. 1.

Таблица 1

Принципы индо-тихоокеанских стратегий

Страны	Принципы		
	Позиционно-ролевой	Векторный	Сферный
Индия	+	+	+
Австралия	+		
Япония	+	+	
Индонезия	+		
Франция	+		
Великобритания	+	+	+
США	+		

Проведённый анализ пространственной картины ИТР, зафиксированной в стратегиях, позволил выявить следующие формирующиеся разделительные линии.

Первая проходит между всеми странами и Китаем. В зависимости от каждого случая она обладает разной степенью проницаемости. Индия и Австралия взяли курс на максимально возможное дистанцирование от взаимодействия с КНР. Великобритания и Япония считают, что с Китаем можно сотрудничать в тех аспектах экономики, которые представляют взаимную выгоду. США намерены поддерживать контакты в вопросах

ядерного нераспространения, климата и здравоохранения, а Франция считает, что КНР является оппонентом только в кибернетической сфере.

Вторая линия отделяет Индию от Китая и Пакистана как его партнёра.

Третья проходит между Соединённым Королевством и Францией и выражается в борьбе за влияние в Океании, Юго-Восточной Азии и Восточной Африке.

С учётом восприятия региона и прохождения таких линий возникает феномен «разделяемых» государств, которые для одних игроков — партнёры, а для других — оппоненты, или один игрок одновременно считает их партнёрами в одной сфере и оппонентами в другой. Примерами таких стран являются Пакистан, Индия, КНР.

Кроме того, анализ стратегии Нью-Дели позволяет выделить ещё одну линию, которая в отличие от других носит оборонительный характер. Она связана с определением Южной Азии как исконной сферы влияния Индии, так как страны региона объединены общим прошлым и культурой.

Это подводит ещё к одному аспекту, культурно-цивилизационному, который связан с отдельными составляющими коллективного бессознательного, нашедшего выражение в некоторых стратегиях. Вслед за К. Юнгом под архетипами понимаются модели неосознанного поведения, которые запечатлелись в психике посредством повторения типичного опыта, сначала в виде формы, а после в виде образа с соответствующим ему содержанием [4, с. 57, 62]. Последнюю стадию архетипа В.В. Согрин называет цивилизационным фактором, поскольку, по его мнению, на этом этапе архетип устойчиво существует в национальной психике и определяет модели поведения многих людей, принадлежащих конкретной культуре [3].

В ряде индо-тихоокеанских стратегий чётко прослеживается влияние архетипов и исторического опыта.

В случае с Индией оно обнаруживается в двух аспектах. Во-первых, Нью-Дели развивает взаимодействие со своими ближайшими соседями, оказывая помощь после природных катастроф, активизируя торгово-экономические отношения, разрешая пограничные споры, содействуя развитию транспортной инфраструктуры [9]. Кроме прочего, эту вполне прагматичную политику, охарактеризованную как «соседи прежде всего», индийское правительство обосновывает общностью культуры и религии.

Во-вторых, текст индийской стратегии указывает на очень сложное, градуированное деление партнёров. Р. Бора именует данный подход мультиприсоединением, являющимся трансформацией неприсоединения, которое было актуально в условиях биполярной системы международных отношений и понималось как равноудалённость от обоих блоков. Вследствие глубокой трансформации глобальной системы к середине 2010-х гг. Н. Моди стал активно развивать сотрудничество с разными партнёрами, формируя специфический их набор для определённой сферы или проблемного поля индийской внешней политики [9, р. 45—46]. Тем самым был

вложен новый смысл в равноудалённость: быть связанным с рядом партнёров, создав при этом систему сдержек и противовесов, предотвращающих чрезмерное блокирование Индии с одним из них в какой-либо сфере.

По мнению К. Сингха, современная индо-тихоокеанская политика Индии имеет ещё более глубокие основания. Контрокружение и мультиприсоединение он возводит к трактату Атрхашастра, точнее к его аспекту сотрудничества с соседями соседей [33], что выражается во взаимодействии с соседями КНР.

Заложенные стремления обеспечить мировой порядок, основанный на правилах, и свободу передвижения американских товаров и технологий, защищать права человека, сдерживать Китай, которые приведены в американской стратегии в отношении ИТР, имеют в своём основании ряд архетипов и факторов американской цивилизации: имперский мессианизм, подвижный фронт, либерально-капиталистический индивидуализм [3], противостояние ведущей евразийской силе, от которой исходит угроза либеральному порядку [28]. Это свидетельствует о том, что политика США в Индо-Пацифике будет иметь культурно-цивилизационные основания, традиционные для американской внешней политики последних 40 лет.

Стратегия Великобритании, как упоминалось выше, подразумевает развитие отношений, главным образом, со странами, которые в прошлом были её колониями, что указывает на связь современного индо-тихоокеанского курса с архетипом Британской колониальной империи.

В случае с Индонезией стратегия Й. Видодо явилась следствием конфликта двух архетипов, относящихся, главным образом, к хозяйству. С одной стороны, о. Ява является самым густонаселённым, представляет собой центр страны, поскольку на нём располагается столица Джакарта. Для этого острова характерна сухопутная культура, основанная на земледелии. С другой стороны, остальные индонезийские острова в основе своей экономики имеют морскую культуру [6]. Рост заинтересованности внерегиональных игроков к Индо-Пацифике Й. Видодо счёл подходящим внешним условием, чтобы преодолеть противостояние хозяйственных архетипов в пользу морского, более оптимального для государства-архипелага, расположенного на пересечении судоходных путей Тихого и Индийского океанов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этот краткий обзор свидетельствует, что стратегии некоторых ведущих государств ИТР разделены между собой не только на уровне принципов планирования, но и на более глубоком, культурно-цивилизационном, уровне, который формирует модели поведения правительств в регионе. Вследствие этого можно указать на наличие сети соответствующих разделительных линий.

Таким образом, следует констатировать, что ИТР существует исключительно в виде образа, который используется заинтересованными государствами в своих политических целях, в результате чего объективно существующая географическая основа обрастает многочисленными трактовками и превращается в метарегион. Поскольку эти трактовки имеют разные культурно-цивилизационные основания, при разработке базирующихся на них стратегий правительства опирались на разные принципы, применяли разные подходы, Индо-Пацифика на практике становится совокупностью наложенных друг на друга скорее не совпадающих, чем совпадающих стратегий.

В связи с этим формирование полноценного ИТР на основе возникшего в сознании политиков метарегиона, который они стремятся реализовать на практике, в данный момент невозможно. Многочисленные интерпретации, наоборот, задают географическому пространству дискретность, формируя сеть разделительных линий. Её появлению способствуют следующие характеристики стратегий: различие культурно-цивилизационных оснований; отсутствие общих или, по крайней мере, соотносимых границ региона; вовлечение региональных и нерегиональных акторов; разные ролевые функции, приписанные государствам странами — разработчицами стратегий; разные принципы, применявшиеся при создании стратегий; наличие разделительных и оборонительных линий; существование морской и континентальной составляющих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Австралия начинает экспортировать в Японию сжиженный водород — премьер Австралии. URL: https://terminal.tass.ru/s3/material-pdf/terminal_20220121_0409_Avstralia_nachinaet_eksportirovat%27_v_Aponiu_61ea217a7ddb.pdf (дата обращения: 21.01.2022).
2. Куприянов А.В. Мальдивский кризис в китайско-индийских отношениях: причины и последствия // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 4. С. 38—48.
3. Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США // США — Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 5. С. 3—22.
4. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2021. 496 с.
5. Achieving the “Free and Open Indo-Pacific (FIOP)” Vision. Japan’s Ministry of Defense Approach. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/india_pacific/india_pacific-en.html (дата обращения: 07.05.2022).
6. Agastia I.G.B.D. Joko Widodo’s Fleeting Maritime Ambitions: An Actor-Specific Analysis of Indonesia’s Global Maritime Fulcrum // Journal of Asia Security and International Affairs. 2021. Vol. 8. No. 3. P. 304—323.
7. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 08.05.2022).
8. AUKUS, Trilateral Security Partnership: Joint Op-ed by UK, US and Australia. September 29, 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/aukus-trilateral-security-partnership-joint-op-ed-by-uk-us-and-australia> (дата обращения: 20.10.2021).

9. Borah R. *The Strategic Relations Between India, the United States and Japan in the Indo-Pacific: When Three Is Not a Crowd*. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2022. 173 p.
10. Campbell K. *The Pivot. The Future of American Statecraft in Asia*. New York; Boston: Twelve, 2016. 401 p.
11. Caroline E. *Indonesia's Global Maritime Fulcrum: from Hedging to Underbalancing* // *Journal of Asia Security and International Affairs*. 2021. Vol. 8. No. 3. P. 413–432.
12. Chandra V. *India's Accommodation in the Emerging International Order: Challenges and Prospects* // *India Quarterly*. 2018. Vol. 74. No. 4. P. 420–437.
13. *China's Belt and Road Initiative: What Is It and Why Victoria under Fire for Its Involvement?* URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/25/chinas-belt-and-road-initiative-what-is-it-and-why-victoria-under-fire-for-its-involvement> (дата обращения: 01.11.2021).
14. Das Sh. *Maritime Strategy and the Emerging Relations with Australia* // *International Studies*. 2017. Vol. 52. No. 1-4. P. 86–98.
15. *Declaration Completing the Convention between Great Britain and France of 14th June, 1898 (Spheres of Influence in Central Africa and Soudan)*. Signed in London, 21st March, 1899 // Ed. by E. Hertslet, B.W. Brant, H.L. Sherwood. *Map of Africa by Treaty*. London: His Majesty's Stationery Office; Harrison and Sons, 1909. Vol. 2. P. 796–797.
16. *Diplomatic Bluebook 2019*. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2019/html/chapter1/c0102.html#sf01> (дата обращения: 07.05.2022).
17. *European Commission International Partnerships*. URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/where-we-work/east-africa_en (дата обращения: 09.05.2022).
18. *Federal Government Tears up Victoria's Belt and Road Agreements with China*. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/apr/21/federal-government-tears-up-victorias-belt-and-road-agreements-with-china> (дата обращения: 31.10.2021).
19. Gurjar S. *A New Quad in the Western Indian Ocean*. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/new-quad-western-indian-ocean> (дата обращения: 12.11.2021).
20. *India's National Security Strategy*. March 2019. URL: https://manifesto.inc.in/pdf/national_security_strategy_gen_hooda.pdf (дата обращения: 23.09.2021).
21. *Indo-Pacific Strategy of the United States*. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).
22. *Interim National Security Strategic Guidance*. March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance> (дата обращения: 04.03.2021).
23. Jackson M. *Critical Systems Thinking and the Management of the Complexity*. London; Hoboken: John Wiley and Sons, 2019. 696 p.
24. *Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific*. September 16, 2021. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf (дата обращения: 24.09.2021).
25. Kumar S., Verma S.S., Shah S.H. *Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture* // *South Asia Research*. 2020. Vol. 40. No. 2. P. 215–230.
26. *Maritime Strategy and Its Contribution to the Indo-Pacific and Global Commons*. March 14, 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/>

- maritime-strategy-and-its-contribution-to-the-indo-pacific-and-global-commons (дата обращения: 20.10.2021).
27. Naidu G.V.C. India — Vietnam Strategic Partnership in the Emerging Indo-Pacific Construct // *India Quarterly*. 2021. Vol. 77. No. 2. P. 172—184.
 28. National Security Strategy of the United States. 1990. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1990.pdf> (дата обращения: 22.05.2022).
 29. Niblet R. Global Britain, Global Broker. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/01/global-britain-global-broker/> (дата обращения: 25.01.2021).
 30. ОЕС ECI Country Rankings. Japan. 2020. URL: <https://oec.world/en/profile/country/jpn> (дата обращения: 26.05.2022).
 31. Paskal C. Indo-Pacific Strategies. Perceptions and Partnerships. The View from Seven Countries. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2021-03/2021-03-22-indo-pacific-strategies-paskal.pdf> (дата обращения: 29.03.2021).
 32. Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS. September 15, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aucus> (дата обращения: 20.10.2021).
 33. Singh K.D.P. Strength and Challenges of OBOR Initiative: Indian Perspective // *Journal of National Law University Delhi*. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 65—77.
 34. Tiola. Indonesia's China and US Approach: Crafting Policies out of Standard Operating Procedures // *Journal of Asia Security and International Affairs*. 2021. Vol. 8. No. 3. P. 324—345.
 35. US Won't Rule out Military Action if China Establishes Base in Solomon Islands. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/26/us-wont-rule-out-military-action-if-china-establishes-base-in-solomon-islands> (дата обращения: 26.05.2021).
 36. Victoria's Belt and Road Initiative Deal Undermines Cohesive National China Policy. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/victorias-belt-and-road-initiative-deal-undermines-cohesive-national-china-policy> (дата обращения: 31.10.2021).
 37. Wallace C. Leaving (North-East) Asia? Japan's Southern Strategy // *International Affairs*. 2018. Vol. 94. No. 4. P. 883—904.

REFERENCES

1. *Avstraliya nachinaet eksportirovat' v Yaponiyu szhizhennyu vodorod — prem'er Avstralii* [Prime Minister of Australia Talked the Australia Starts Hydrogen Export to Japan]. Available at: https://terminal.tass.ru/s3/material-pdf/terminal_20220121_0409_Avstralia_nachinaet_eksportirovat%27_v_Aponiu_61ea217a7ddb.pdf (accessed 21.01.2022). (In Russ.)
2. Kupriyanov A.V. Mal'divskiy krizis v kitaysko-indiyskikh otnosheniyakh: prichiny i posledstviya [The Maldives Crisis in Sino-Indian Relations: Causes and Consequences]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2018, no. 4, pp. 38—48. (In Russ.)
3. Sogrin V.V. Arkhetipy i factory tsivilizatsii SShA [Archetypes and Factors in US Civilization]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2009, no. 5, pp. 3—22. (In Russ.)
4. Yung K.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Conscious]. Moscow, AST Publ., 2021, 496 p. (In Russ.)

5. *Achieving the “Free and Open Indo-Pacific (FIOP)” Vision. Japan’s Ministry of Defense Approach.* Available at: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/india_pacific/india_pacific-en.html (accessed 07.05.2022). (In Eng.)
6. Agastia I.G.B.D. Joko Widodo’s Fleeting Maritime Ambitions: An Actor-Specific Analysis of Indonesia’s Global Maritime Fulcrum. *Journal of Asia Security and International Affairs*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 304–323. (In Eng.)
7. *ASEAN Outlook on the Indo-Pacific.* Available at: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed 08.05.2022). (In Eng.)
8. *AUKUS, Trilateral Security Partnership: Joint Op-ed by UK, US and Australia.* September 29, 2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/aukusqaaaaa-trilateral-security-partnership-joint-op-ed-by-uk-us-and-australia> (accessed 20.10.2021). (In Eng.)
9. Borah R. *The Strategic Relations Between India, the United States and Japan in the Indo-Pacific: When Three Is Not a Crowd.* Singapore, World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd. Publ., 2022, 173 p. (In Eng.)
10. Campbell K. *The Pivot. The Future of American Statecraft in Asia.* New York, Boston, Twelve Publ., 2016, 401 p. (In Eng.)
11. Caroline E. Indonesia’s Global Maritime Fulcrum: from Hedging to Underbalancing. *Journal of Asia Security and International Affairs*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 413–432. (In Eng.)
12. Chandra V. India’s Accommodation in the Emerging International Order: Challenges and Prospects. *India Quarterly*, 2018, vol. 74, no. 4, pp. 420–437. (In Eng.)
13. *China’s Belt and Road Initiative: What Is It and Why Victoria under Fire for Its Involvement?* Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/25/chinas-belt-and-road-initiative-what-is-it-and-why-victoria-under-fire-for-its-involvement> (accessed 01.11.2021). (In Eng.)
14. Das Sh. Maritime Strategy and the Emerging Relations with Australia. *International Studies*, 2017, vol. 52, no. 1-4, pp. 86–98. (In Eng.)
15. Declaration Completing the Convention between Great Britain and France of 14th June, 1898 (Spheres of Influence in Central Africa and Soudan). Signed in London, 21st March, 1899. *Map of Africa by Treaty.* Ed. by E. Hertslet, B.W. Brant, H.L. Sherwood. London, His Majesty’s Stationery Office Publ., Harrison and Sons Publ., 1909, vol. 2, pp. 796–797. (In Eng.)
16. *Diplomatic Bluebook 2019.* Available at: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2019/html/chapter1/c0102.html#sf01> (accessed 07.05.2022). (In Eng.)
17. *European Commission International Partnerships.* Available at: https://ec.europa.eu/international-partnerships/where-we-work/east-africa_en (accessed 09.05.2022). (In Eng.)
18. *Federal Government Tears up Victoria’s Belt and Road Agreements with China.* Available at: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/apr/21/federal-government-tears-up-victorias-belt-and-road-agreements-with-china> (accessed 31.10.2021). (In Eng.)
19. Gurjar S. *A New Quad in the Western Indian Ocean.* Available at: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/new-quad-western-indian-ocean> (accessed 12.11.2021). (In Eng.)
20. *India’s National Security Strategy.* March 2019. Available at: https://manifesto.inc.in/pdf/national_security_strategy_gen_hooda.pdf (accessed 23.09.2021). (In Eng.)
21. *Indo-Pacific Strategy of the United States.* February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 31.03.2022). (In Eng.)

22. *Interim National Security Strategic Guidance*. March 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance> (accessed 04.03.2021). (In Eng.)
23. Jackson M. *Critical Systems Thinking and the Management of the Complexity*. London, Hoboken, John Wiley and Sons Publ., 2019, 696 p. (In Eng.)
24. *Joint Communication to the European Parliament and the Council. The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific*. September 16, 2021. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf (accessed 24.09.2021). (In Eng.)
25. Kumar S., Verma S.S., Shah S.H. Indo-US Convergence of Agenda in the New Indo-Pacific Regional Security Architecture. *South Asia Research*, 2020, vol. 40, no. 2, pp. 215—230. (In Eng.)
26. *Maritime Strategy and Its Contribution to the Indo-Pacific and Global Commons*. March 14, 2019. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/maritime-strategy-and-its-contribution-to-the-indo-pacific-and-global-commons> (accessed 20.10.2021). (In Eng.)
27. Naidu G.V.C. India — Vietnam Strategic Partnership in the Emerging Indo-Pacific Construct. *India Quarterly*, 2021, vol. 77, no. 2, pp. 172—184. (In Eng.)
28. *National Security Strategy of the United States*. 1990. Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1990.pdf> (accessed 22.05.2022). (In Eng.)
29. Niblet R. *Global Britain, Global Broker*. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2021/01/global-britain-global-broker/> (accessed 25.01.2021). (In Eng.)
30. *OECD ECI Country Rankings. Japan. 2020*. Available at: <https://oec.world/en/profile/country/jpn> (accessed 26.05.2022). (In Eng.)
31. Paskal C. *Indo-Pacific Strategies. Perceptions and Partnerships. The View from Seven Countries*. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2021-03/2021-03-22-indo-pacific-strategies-paskal.pdf> (accessed 29.03.2021). (In Eng.)
32. *Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS*. September 15, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aucus> (accessed 20.10.2021). (In Eng.)
33. Singh K.D.P. Strength and Challenges of OBOR Initiative: Indian Perspective. *Journal of National Law University Delhi*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 65—77. (In Eng.)
34. Tiola. Indonesia's China and US Approach: Crafting Policies out of Standard Operating Procedures. *Journal of Asia Security and International Affairs*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 324—345. (In Eng.)
35. *US Won't Rule out Military Action if China Establishes Base in Solomon Islands*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/26/us-wont-rule-out-military-action-if-china-establishes-base-in-solomon-islands> (accessed 26.05.2021). (In Eng.)
36. *Victoria's Belt and Road Initiative Deal Undermines Cohesive National China Policy*. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/victorias-belt-and-road-initiative-deal-undermines-cohesive-national-china-policy> (accessed 31.10.2021). (In Eng.)
37. Wallace C. Leaving (North-East) Asia? Japan's Southern Strategy. *International Affairs*, 2018, vol. 94, no. 4, pp. 883—904. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 01.06.2022